

ИНДИКАТОР СОВМЕСТИМОСТИ

Все началось с блинов. Однажды, в шабат, моя 16-летняя дочь привела в дом худощавого незнакомого паренька. Его худобу подчеркивал огромный нос, на котором под странным углом разместились очки в красивой тонкой оправе.

Мальчик был очень вежлив, хорошо воспитан и, понятное дело, мне сразу захотелось его накормить. Холодильник ломился от приготовленных к шабату яств: холодец из говяжьих ножек – застыл, и его можно было резать ножом, купленное накануне сало, розовое, с тоненькими прослойками мяса, так и просилось на кусочек ржаного хлеба, а буженина в духовке распространяла аромат далеко за пределами кухни.

– Проходите, присаживайтесь, сейчас будем обедать, – расплылась я в гостеприимной улыбке, не сразу заметив у него на макушке кипу. Сразу стало понятно, что наш домашний корм ему никак не подходит. Более того, я понимала, что даже на стол выставлять все эти лакомства было бы прямым неуважением к гостю. Поэтому, заметив умоляющее выражение в глазах дочери, я, как-то сразу сориентировавшись, объявила радостно, ни к кому персонально не обращаясь:

– А у нас сегодня блинчики со сметаной, творогом и вареньем! – и тут же засуетилась у кухонного стола.

О чем я думала в тот момент? Скорей всего о буженине, которая перестоит и завтра будет уже не та и о том, как скормить ее втайне от гостя, своим детям.

– Надюша, помоги мне, пожалуйста – позвала я дочь и добавила, с улыбкой обращаясь к гостю, – я дверь прикрою, чтобы запах в комнату не шел.

Отрезав приличный кусок буженины, со словами «Ешь быстро, пока не застухали», я поставила тарелку на стол.

Дочь посмотрела на закрытую дверь, затем на буженину и, махнув рукой, «А, будь, что будет!» быстро заработала ножом и вилкой.

Теперь, можно было смириться с тем, что в шабат мы будем не есть, а перекусывать.

Клянусь, я не желала гостю ничего плохого, я пекла блины с чувством полного удовлетворения от того, что дочь поела.

Блины получились отменные, и вечер прошел в атмосфере полного взаимопонимания. Гость с удовольствием уплетал блинчики, на столе горели шабатные свечи, обращенные на меня глаза дочери, излучали благодарность, и я очень гордилась собой.

Больше мы этого заморыша не увидели. По какой-то странной, необъяснимой причине, они перестали общаться и вскоре, у дочери появился новый ухажер. На сей раз, это был одетый по последней моде, с гордо посаженной головой, самодовольный грузин.

К тому же, его звали Эдик, не Эдуард, а именно Эдик. Признаться, заморыш мне нравился больше.

– Мама, ты не будешь против, если я приглашу Эдика к нам на обед? – спросила дочь, и я тут же согласилась.

Как всегда, обед был готов, но я, решив не отступать от традиций, испекла блинчики.

Было интересно наблюдать, как привыкший к мясу с острыми приправами и зеленью спесивый Эдик, давился блинами. Есть он их не умел и, похоже, вообще видел впервые. Сметана стекала по его чисто выбритому подбородку, варенье с вилки попало на пальцы и к ним прилипали салфетки, которыми он пытался пользоваться. В общем, зрелище было не для слабонервных.

Дочка смотрела в свою тарелку, а я злорадствовала, отдавая отчет собственной стервозности. По делу тебе, нечего было выпендриваться перед нами.

Но, как оказалось, одного раза было недостаточно. Эдик проявлял чудеса настойчивости, и мне пришлось несколько недель подряд кормить гостя блинами, прежде чем он потерялся где-то между Тель-Авивом и Ашдодом.

С зятем до свадьбы знакома я не была. Дочь жила в другой стране, и продуктовые посылки не пропускали. А как было бы замечательно напечь блинчиков и послать новому родственнику. Но об этом можно было только мечтать. Зато, по приезде, я сразу же пригласила детей к себе.

Израиль остался далеко, и потому ничто мне не мешало праздновать Масленицу.

Блинов было много. Я старалась изо всех сил. Зять уплетал их, похваливая, и просил с собой.

Но то ли время мною было упущено, то ли любовь моего зятя к дочери сильнее, да только уже много лет подряд на Масленицу пеку я блины безо всякой задней мысли, просто потому что вкусно.

Когда меня познакомили с будущим мужем, пироги испек он. Памятуя собственное ноу-хау, я, сославшись на диету, вежливо прихлебывала чай, в то время, как окружающие наслаждались его кулинарными способностями.

Отдавая долг вежливости, я пригласила его к себе, и, заметьте, не нарочно, а скорее уже по привычке, напекла блинчики.

И, уже позже, сидя за столом, поймав на себе недоумевающий взгляд дочери, поняла, что натворила.

– Ой, что это я? Вы, наверное, голодны, – вскочила я из-за стола, с грохотом отодвинув стул и попыталась, было, забрать тарелку с блинами.

Гость вцепился в нее, как хватается утопающий за спасательный круг, видимо, подсознательно, понимая, что блины помогут ему избежать брака.

Он был сильнее меня физически, но мне помогла мотивация. Его тарелка оказалась у меня в руках, а блины соскользнули на пол, и пока я их собирала, мой будущий муж, преспокойно пододвинув к себе стоящее на столе блюдо с блинами, начал есть прямо оттуда, приговаривая:

– Нет-нет! Прекрасные блины и я их все съем!

Я, смирилась с неизбежным и потухшими глазами наблюдала результат собственной глупости.

Провожая его, я даже не предложила перезвонить или зайти в гости. Знала – все бесполезно! С таким количеством съеденных блинов мне не справиться.

Он перезвонил на следующий день и предложил прогулку.

Я собиралась на свидание с тяжелым сердцем, зная, что воспитанный интеллигентный человек не мог просто так, без объяснений оставить женщину.

А он краснел, не смотрел мне в глаза и, казалось, готовился произнести что-то такое, что навсегда прервет наши отношения.

Я репетировала мысленно единственно возможный ответ, который помог бы мне выйти красиво из неприятной ситуации, сохранив при этом собственное реноме. Что-то вроде «Ничего страшного» или «Да что ты о себе возомнил!».

– Ты выйдешь за меня замуж? – тихо спросил он и, растерявшись от неожиданности, я только кивнула в ответ.

С тех пор я всем своим подругам советую прежде, чем заводить серьезные отношения с мужчинами – накормите его блинами собственного приготовления.

Если после этого он вернется к вам – смело выходите за него замуж, потому что этот мужчина Ваш.

КАК ПРОХОДЯТ ИНТЕРВЬЮ

АВСТРАЛИЯ

Сколько их было в моей жизни? Трудно сказать. Но это было особенным. Я еще никогда так не волновалась.

Дело в том, что в обычном порядке мне нужно было подтверждать свои профессиональные навыки, тогда, как здесь о них нужно было постараться забыть.

Интервью было назначено на одиннадцать, но готовилась я к нему с самого утра.

Продуманный более, чем скромный наряд, стянутые в тугий узел волосы, руки, без украшений и маникюра.

Перед выходом, я еще раз взглянула на свое отражение.

Дамочка в зеркале, молодящаяся настолько, чтобы получить физическую работу, отдаленно напоминала революционно настроенную рабочую с Красной Пресни.

Прическа создавала впечатление рабочей лошади, чистые, но сильно поношенные кроссовки на ногах должны были выдавать тщательно скрываемые финансовые затруднения.

Итак, в назначенное время я, выплюнув изо рта несуществующую жевательную резинку, как было рекомендовано в «правилах прохождения интервью», которые я прилежно изучила накануне, предстала перед секретарем, выдерживая на лице неприменный оскал, дабы показать свою принадлежность к австралийским устоям. Не знаю, кто составлял сей кодекс и на кого он был рассчитан, но наставления звучали примерно так:

– выплюнуть жевательную резинку,

– улыбаться,

– избегать упоминания о личных, семейных и финансовых проблемах (как будто, само по себе мое желание мыть полы не является прямым доказательством моих финансовых затруднений).

– избегать разговоров о политике, религии и сексе – интересно, какому соискателю могло прийти в голову философствовать на подобные темы во время интервью,

– не стараться подавить собеседника своими знаниями – совет просто изумительный, то есть, чтобы получить работу, вы должны тщательно скрывать свою компетентность, чтобы, не приведи Господи, не перещеголять эрудицией собеседника.

Поскольку я всегда отличалась пунктуальностью, то явившись к назначенному часу, прождала в приемной около 20 минут, то есть пока служащие общались друг другом за чашечкой утреннего кофе.

Но вот, наконец, откуда-то из недр офиса на меня выплыла непомерных размеров дама и, ответив мне точной копией моего оскала, пригласила в святая святых – комнату для прохождения Интервью.

Я вспомнила Правило № 3 и приняла открытую позу, то есть не скрестила руки на груди и не положила ногу на ногу.

Первый вопрос «Как ты?» – неперенный ритуал и я, как хорошо выдрессированное животное, тут же отвечаю:

– Неплохо, а ты? – вопрос риторический, потому висает в воздухе.

– Почему ты выбрала именно эту работу, – с легкой усмешкой задает она первый вопрос.

Как будто мне было из чего выбирать!

Видимо, несмотря на все мои старания, высшее образование, как позорное клеймо, все же просвечивало на лбу, отдавая интеллектом.

Ответ «деньги нужны» – плохой ответ, поэтому, я честно признаюсь в том, что у меня просто руки чешутся убирать квартиры, отмывать душевые кабинки и туалеты.

Дама меня не слушает, озабоченно перебирая бланки и, отыскав подходящий, протягивает мне с предложением ответить на вопросы анкеты.

– У тебя есть полчаса, – произносит она и удаляется, обдав меня запахом дешевого парфюма.

Я с удивлением читаю предлагаемые вопросы, которые должны подтвердить мою компетентность на должности уборщицы.

Вопрос под номером один «Почему Вы выбрали именно нашу компанию?» предлагает мне из 30 отведенных минут, минимум 10 потратить на дифирамбы данной компании.

«Почему Вы хотите получить именно эту работу?»

Как будто, у меня есть выбор!

Ну, цель вопроса «Каковы Ваши слабые стороны?» вполне объяснима – облегчить работу кадров, то есть самой отыскать причину по которой я им не подхожу.

На вопрос «Как Вы представляете свое положение через пять (десять) лет?» отвечаю обтекаемо: я хотела бы работать в этой же организации, но на более ответственной должности.

На самом деле, я хотела бы работать в отделе кадров. То есть просто получать деньги, пить кофе и раздавать опросники соискателям. «На какую зарплату Вы рассчитываете?» – вопрос потрясающий. Поскольку Правило № 6 предлагает предоставлять только достоверную информацию, отвечаю четко и уверенно, то есть, честно признаюсь в том, что уровень зарплаты должен покрыть мои счета, ссуды, текущие расходы на парикмахера, косметику и маникюр, заграничные поездки, а также, желательно, на подарки для детей и внуков. Вернувшись, дама все с тем же оскалом сообщает мне об окончании интервью.

Через две недели я получаю письмо – интервью я не прошла. Видимо, мои жизненные цели не отвечают потребностям данной организации.

ИЗРАИЛЬ

За письменным столом, заваленным чертежами, бутылками с колой и остатками шаурмы, сидит лысоватый мужчина средних лет с кипой на макушке.

– Шалом, мотек! – произносит он, одной рукой, забрасывая в рот чипсы, а жестом другой руки предлагая присесть на продавленный, в углу стоящий, диван.

– Шалом! – отвечаю я, осторожно усаживаясь на край дивана.

– Как дела?

– Все в порядке.

– Есть хочешь? – задает он мне традиционный вопрос.

– Нет, спасибо, – я представляю, как буду хватать руками чипсы и мясо с его тарелки и судорожно сглатываю, пытаюсь подавить спазм.

Он вертит в руках мой диплом инженера, собираясь с мыслями, затем, поднимает глаза и бесцеремонно начинает меня разглядывать.

Взгляд его скользит по лицу и замирает в вырезе блузки. Затем, многозначительно улыбнувшись плотоядной улыбкой, слегка подавшись вперед, он произносит с отеческими интонациями в голосе:

– Тебе не нужна работа, тебе нужен друг!

Я принимаю условия игры, зная их правила. Продолжения не последует, и скромно опускаю глаза, затем, тоном пай-девочки, с легким вздохом сожаления бормочу себе под нос:

– Друг просто необходим, но где его взять?

Прием давно не новый и давно опробованный, знаю наперед, что за этим последует, тем не менее, не могу отказать себе в удовольствии полюбоваться на очередного самовлюбленного самца.

Мой собеседник победоносно распрямляет плечи, втягивает живот, и уже совершенно другим, не допускающим возражений тоном, проговаривает:

– Мы встретимся вечером, выпьем кофе, и мы обо всем поговорим. Все будет хорошо, не переживай.

– Вы знаете, – отвечаю я, – у меня дети, двое и старенький папа, я никак вырваться не смогу. А Вы приходите прямо ко мне домой, пообедаете вместе с нами, я Вас с папой познакомлю.

Его взгляд становится острым, как бритва и, поджав губы, он встает из-за стола, давая понять, что интервью окончено.

– Мы сообщим вам результаты, – сухо произносит он, а я поспешно удаляюсь, пытаясь не испачкаться о ручку входной двери.

МОСКВА

Оффис филиала престижной американской фирмы был расположен в гостинице «Космос». О вакансии заместителя руководителя со знанием английского языка я узнала совершенно случайно. Директор филиала не говорил по-русски, а потому это было неременным условием трудоустройства.

Референт встретил меня в холле гостиницы и проводил в кабинет.

Вскоре появился и сам директор в потертых джинсах, черном, сильно поношенном свитере и старых, стоптанных туфлях.

– Привет! – по-английски обратился он ко мне.

– Привет! – так же легко ответила я, протягивая резюме, которое он отложил в сторону, даже не взглянув.

– Для чего тебе нужна работа? – спросил он, бесцеремонно пуская мне дым в лицо.

– Извини, я не поняла,

– Ну, ты же не голодная, сразу видно. Я в Москве уже два года, здесь все голодные и это хорошо. Они будут держаться зубами за свое место.

Он говорил со мной, как с человеком, который его поймет:

- Они здесь все работают за копейки, понимаешь, работы нет, зарплата маленькая, а у меня все условия, красивый оффис.
- А каков месячный оклад без бонусов? – задаю я вопрос просто так, ради интереса.
- Первые 3 месяца испытательный срок. Я плачу 12000 рублей в месяц.
- Так ведь пенсия и та 15000, – начала было я, и осеклась, – а что потом? Он смеется громко, раскатисто и нагло.
- Что потом? Потом я их увольняю, как непрошедших испытательный срок.
- Извини, у меня ещё одно интервью, – я встала и направилась к выходу.

НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ

Частная клиника. Интервьюирует женщина. Красивая, уверенная в себе, что само по себе внушает надежду.

Я протягиваю ей диплом массажистки.

Она, тепло улыбнувшись, отодвигает мою руку:

– Не стоит. Для меня очень важно почувствовать твои руки, – чуть понизив голос, произносит она и мягко уводит меня за занавеску.

Ничего предосудительного в этом я не вижу, это правильно, ни один диплом не расскажет – хороший ты массажист или нет. Проверить можно только на деле, поэтому я, как положено, отворачиваюсь, пока женщина раздевается.

– Ты готова? – спрашиваю я, и, не дождавшись ответа, поворачиваюсь лицом к столу, на котором лежит полностью обнаженная дама.

На мои попытки прикрыть ее простыней, она отвечает многозначительной полуулыбкой и мягко берет меня за руку.

Я с интересом рассматриваю татуировки и пирсинг на ее теле, затем, решительным голосом предлагаю лечь на живот.

Нехотя, она переворачивается и не произносит ни слова за все время массажа.

– О своем решении я сообщу письменно, – сухо произносит она на прощание.

Письмо я действительно получила. Мне отказали, но в первый раз за всю мою карьеру в этом письме была озвучена причина отказа.

Я не подходила по причине высокой квалификации. «Вы поднимите доходы клиники, а соответственно, увеличьте налог на доход, что не рентабельно».

Я сняла копию с подлинника и при поступлении на новое место работы предоставляю ее вместо рекомендации.